

Вэй Усянь снова сел за стол, поднял чашку и произнес:

— Цзян Чэн, брат Не, я пью за вас.

После этого он осушил чашку до дна и продолжил:

— Глава ордена Не, в том, что я смог вернуться, твоя заслуга немалая.

Услышав это, Не Хуайсан держал пиалу в руках — пить было нельзя, но и опускать тоже. Заикаясь, он выдавил из себя:

— Ну, хе-хе, брат Вэй, я, я, я...

Вэй Усянь повернул голову к Цзян Чэну:

— Цзян Чэн, спасибо тебе за то, что позволил мне вернуться.

Видя, что Вэй Усянь перевел тему на Цзян Чэна, Не Хуайсан с облегчением сел на место.

Цзян Чэн бросил на него равнодушный взгляд, а его тон прозвучал непринужденно:

— Что за глупости ты говоришь? Это место изначально твой дом, к тому же я боялся, что если не найду тебя, отец спросит с меня по всей строкости.

Вэй Усянь прыснул со смеху, а затем с некоторым унынием произнес:

— Только жаль, что теперь ты один держишь Пристань Лотоса, твоя слава гремит повсюду, а дядя Цзян, госпожа Юй и старшая шицзэ уже ничего этого не увидят. Простите.

Лицо Цзян Чэна осталось спокойным и безмятежным, он лишь легко покачал головой:

— За что ты извиняешься? Ты ни перед кем не виноват, такова судьба.

Вэй Усянь хранил молчание. Хотя Цзян Чэн сейчас говорил, что не винит его, в глубине души он всегда считал: если бы в юности он не был столь своенравным и буйным и не натворил столько бед, Пристань Лотоса не постигло бы полное уничтожение — по крайней мере, не так рано.

Заметив, что Вэй Усянь умолк, Цзян Чэн понял, что тот тяжело переживает это, и сказал ему:

— Хватит думать об этом, все уже прошло так давно. Как ты и сказал, все в прошлом. Давай считать то время прошлой жизнью, а сейчас главное — то, что мы снова вместе и можем снова сражаться плечом к плечу, разве нет?

Вэй Усянь кивнул. В последнее время манера речи Цзян Чэна все больше напоминала ему старшую шицзэ. С тех пор как он узнал правду, тот горделивый и язвительный Цзян Чэн становился с ним все мягче и мягче — пожалуй, из страха снова потерять его.

Они росли вместе с малых лет, давно привыкли вечно ссориться и переругиваться, но никогда прежде не разлучались, и Вэй Усянь даже в мыслях не допускал возможности уйти от Цзян Чэна.

Цзян Чэн снова предостерег его:

— Ты лишился золотого ядра, и твое здоровье сейчас далеко не то, что прежде, а сегодня ты выпил столько вина. Ступай в комнату и ложись спать пораньше, как следует побереги себя, только тогда у тебя появится шанс заново взрастить золотое ядро.

— Угу, я знаю, — покорно отозвался Вэй Усянь.

Цзян Чэн слегка замер: редко доводилось видеть Вэй Усяня таким послушным, чтобы он не возражал ни единым словом.

Они поднялись из-за стола вместе. Когда они подошли к дверям комнаты Не Хуайсана, Вэй Усянь сказал Цзян Чэну:

— Иди в комнату первым, у меня есть еще одно личное дело, нужно кое о чем поговорить с братом Не наедине.

Цзян Чэн не стал расспрашивать дальше, лишь молча кивнул в знак согласия и повернулся уходить.

Когда Цзян Чэн удалился, Вэй Усянь обратился к Не Хуайсану:

— Заходим в комнату.

Не Хуайсан с замирающим сердцем переступил порог. К этому моменту он уже раскаивался до глубины души. Хотя у нынешнего Вэй Усяня не было золотого ядра, а Лань Ванцзи и Цзян Чэн отсутствовали, в честном поединке один на один он все равно не смог бы одолеть Вэй Усяня, к тому же у того в руке находился Чэньцин. Теперь Не Хуайсан на собственном опыте познал, что значит пожинать плоды собственных деяний. Он хлопнул себя по лбу, искренне желая вырубить самого себя до потери сознания — знай он заранее, ни за что не увязался бы следом.

Вэй Усянь вошел вслед за ним, рассеянно крутя в пальцах флейту Чэньцин. От этого зрелища у Не Хуайсана по спине бежали мурашки, и ему оставалось лишь закрываться веером, пытаясь спрятаться от неизбежного.

Вэй Усянь негромко усмехнулся:

— Брат Не, не стоит так нервничать. Разве тебе нечего мне сказать?

Не Хуайсан так сжал складной веер, что костяшки побелели, и заикаясь произнес:

— Ч-что сказать?

Взгляд Вэй Усяня оставался мирным, в нем не было и следа свирепости:

— Я все гадаю: я мертв уже шестнадцать лет, и даже я сам понятия не имел, где покоится мой прах, как вдруг объявился Мо Сюаньюй и принудительно провел жертвоприношение отдал свою плоть, чтобы вернуть меня к жизни. Как думаешь, что тебе следует мне сказать?

Сердце Не Хуайсана тяжело рухнуло вниз. Он и впрямь обо всем догадался. Хотя все те события были спланированы им самим, поначалу он чистым сердцем желал лишь спасти брата Вей. Но ситуация зашла слишком далеко, и он был вынужден действовать по обстоятельствам. Столь многое было продумано и скрыто, что он просто не представлял, с чего начать объяснения. Он поднял руку, вытирая со лба выступивший холодный пот, и с жалким видом произнес:

— Брат Вэй, я правда не знаю, с чего и начать.

Вэй Усянь вовсе не хотел излишне терзать Не Хуайсана. Даже несмотря на то, что тот от начала до конца использовал его в своих расчетах ради мести, Вэй Усянь был способен отличить искренние чувства от фальши. В конце концов, после его возрождения, во время второй облавы заклинательских кланов на Призрачные Могилы, когда абсолютно все кляли его на чем свет стоит и требовали разорвать Старейшину Илин на куски, лишь Не Хуайсан обмолвился, что он здесь просто за компанию. И когда Вэй Усянь сказал, что снаружи пещеры опаснее, чем внутри, никто ему не поверил — только Не Хуайсан безоговорочно поверил и первым завел учеников своего ордена внутрь.

Поэтому Вэй Усянь произнес:

— Не знаешь, с чего начать? Хорошо, тогда спрашивать буду я, а ты просто отвечай мне честно.

Не Хуайсан торопливо закивал, соглашаясь.

Вэй Усянь начал:

— Когда я бросился с обрыва в Неверной Ночи, ты спас меня первым?

Не Хуайсан ответил:

— Да.

— В той бойне при Неверной Ночи я тебя не видел, значит, ты в ней не участвовал. Но тебе тоже хотелось узнать, каково положение дел. Когда ты добрался до места, то увидел, как я стою на краю обрыва, и Хангуан-цзюнь не смог удержать меня, после чего ты тихонько отступил назад и заранее помчался к подножию скалы?

Не Хуайсан ответил:

— Да.

— Когда я рухнул на дно обрыва, то полностью потерял сознание. После того как ты спас меня, где ты меня спрятал?

Не Хуайсан медленно поведал правду о тех днях:

— Когда ты упал на дно, из-за тяжелых ранений твоя духовная сущность оказалась повреждена. Осмотрев тебя, я понял, что у тебя не осталось золотого ядра, поэтому с помощью Мешочка Запечатывания Душ собрал твои рассеянные духи и запечатал их, а твое тело увез обратно в наш орден Не и спрятал в родовой усыпальнице.

Вэй Усянь продолжил расспросы:

— Никто не видел, как ты меня увозил? Твой старший брат ничего не сказал?

Не Хуайсан ответил:

— Когда я вез тебя обратно, я наложил на тебя маскировку. В то время у моего старшего брата тоже были ранения, и пока со мной все было в порядке, ему было не до моих дел. Не Хуайсан усмехнулся: когда он вез Вэй Усяня обратно, то замаскировал его под девушку. Вэй Усянь от природы обладал привлекательной внешностью, так что даже если бы его кто-то и заметил, то все равно не узнал бы, решив лишь, что Не Хуайсан снова завел себе любовную интрижку. Впрочем, об этом Вэй Усяню знать было совсем ни к чему. Хе-хе!

К счастью, Вэй Усянь не стал допытываться насчет маскировки и резко перевел разговор на

самую суть:

— Почему спустя шестнадцать лет ты заставил Мо Сюаньюя провести ради меня обряд жертвоприношения?

Не Хуайсан тяжело вздохнул:

— Это дело — чистая случайность. После того как я спас тебя, твоя духовная сущность была повреждена, и я все думал о том, как восстановить твои духи. Но в твоём духе не было жажды жизни, моих собственных сил не хватало, открываться кому-то другому я не смел, а бояться, что твои духовные силы окончательно рассеются, не переставал — оставалось лишь продолжать держать твою душу под печатью. Позже с моим старшим братом стряслась беда. Я был безутешен и никак не мог поверить, что человек столь могущественный, как мой брат, мог уйти из жизни в столь раннем возрасте. В момент смерти брата рядом находился лишь Цзинь Гуаньяо, и когда я прибежал, Цзинь Гуаньяо сказал мне, что брат сошел с ума от отклонения ци. Но я не поверил и начал тайное расследование. Позже я выяснил, что смерть моего брата связана с Цзинь Гуаньяо, однако к тому моменту он уже занимал пост Заклинательного Владыки во главе всех заклинательских семей, а у меня не было достаточных доказательств, чтобы обвинить его. Я знал, что в одиночку отомстить за брата невозможно. Как раз в то время я встретил в Башне Цзиньлин Мо Сюаньюя — из-за того, что он вступил в орден поздно, талантами он особо не блистал, но кое-какие задатки имел. Цзинь Гуаньяо хоть и занимал пост Заклинательного Владыки, но позиции его были шаткими, к тому же из-за своего происхождения он ужасно боялся, что по мере роста сил Мо Сюаньюй станет угрозой для него, поэтому всячески притеснял и порочил его за спиной. Когда Мо Сюаньюя выгнали из клана, он вернулся в Деревню Мо, где члены клана Мо тоже непрестанно гнобили его. В сердце Мо Сюаньюя бушевала ненависть, но сам он занимался заклинательством всего ничего, ни на что не годился, и ему оставалось лишь уйти из жизни с невыплаканной обидой в груди. Тут-то я случайно и столкнулся с ним. Спасши его, я вспомнил слова, сказанные тобой во время обучения в Ордене Лань: духовная энергия — это ци, и энергия обиды — это тоже ци, почему же нельзя обратить энергию обиды себе на пользу? К тому же ты сам в те годы действительно сумел это сделать. Вот я и сказал ему: даже если он умрет с обидой в сердце, никто не станет о нем горевать, а человек, которого он ненавидит, по-прежнему будет жить в свое удовольствие. Почему бы тогда не принести себя в жертву Старейшине Илин? Заодно он сможет отомстить за себя, и его смерть обретет смысл.

Я и сам не ожидал, что обида Мо Сюаньюя окажется настолько глубокой. Обычно отчаявшиеся люди, если их спасти, больше не пытаются покончить с собой во второй раз, но Мо Сюаньюй даже задумываться не стал — сразу согласился на мои слова. Тогда я снова отправился в Башню Цзиньлин и тайком переписал твои рукописи...

— Подожди, — прервал его Вэй Усянь. — Почему мои рукописи оказались в Башне Цзиньлин?

— О, в те годы, когда ты бросился с обрыва, они не смогли тебя найти, отправились на Призрачные Могилы, забрали все твои вещи и передали их клану Цзинь.

Вэй Усянь понимающе кивнул:

— Неудивительно, что во время ночной охоты они использовали мои флаги привлечения духов. Продолжай.

— Передав ему рукописи, я отдал вместе с ними и мешочек с твоей душой. Я тогда подумал: раз уж за шестнадцать лет мне так и не удалось тебя спасти, пусть это послужит лечением для безнадежного больного. После этого я выпустил Басю, пропитанную ци обиды моего старшего брата, и превратил ее в подобие меча-духа, чтобы удостовериться, действительно ли Мо Сюаньюй провел обряд жертвоприношения.

Выражение лица Вэй Усяня стало суровым:

— Даже если он согласился на жертвоприношение, это все равно обмен жизни на жизнь, и к праведным путям такое не относится.

Мысленно Не Хуайсан подумал: ради твоего спасения — к черту обмен жизни на жизнь, я бы и десяток жизней отдал, не задумываясь. Но такие слова вслух звучали бы слишком сентиментально, к тому же Вэй Усянь вовсе не одобрял его методов, поэтому он произнес:

— Даже если бы я не подтолкнул его к жертвоприношению, он все равно не хотел жить. Будем считать, что перед смертью он совершил доброе дело и вернул тебя к жизни.

Вэй Усянь спросил:

— С чего ты взял по одной лишь тупой духовной сущности меча, что пожертвовал собой именно я?

Не Хуайсан ответил:

— Поэтому я и вернулся в Цинхэ, чтобы проверить родовую усыпальницу. И в самом деле — твоего тела там не оказалось. Тогда я окончательно убедился, что Мо Сюаньюй провел жертвоприношение успешно.

Вэй Усянь пристально посмотрел на него и хмуро спросил:

— Выходит, после этого ты намеренно подтолкнул нас с Лань Чанем к повсеместным расследованиям, чтобы нашими руками вывести правду о гибели старшего брата Не?

Не Хуайсан опустил складной веер, и в его голосе прозвучало полное бессилие:

— У меня просто не оставалось выбора. В одиночку я бы не то что за брата не отомстил — сам бы сгинул. Цзинь Гуаньяо мастерски умеет пускать пыль в глаза и втираться в доверие, и даже найди я улики, кто бы мне поверил?

Вэй Усянь сказал:

— Ты мог бы сказать нам все открыто.

Не Хуайсан возразил:

— Я не смел рисковать ни на йоту. Об этом деле чем меньше людей знает, тем лучше. Я мог лишь тайком, шаг за шагом, направлять вас на поиски улики, сам же оставался в тени и подталкивал события в нужное русло. Не Хуайсан на мгновение замолк и добавил: — Дело вовсе не в том, что я тебе не доверял, просто Цзинь Гуанъяо по природе своей подозрителен и коварен — стоило малейшему ветерку подуть, как он тут же принял бы меры предосторожности.

Изначально я хотел лишь разоблачить истинного убийцу, погубившего брата, но никак не ожидал, что в ходе поисков вскроется и то, что Цзинь Гуанъяо тайком спланировал жестокую смерть Цзинь Цзысюаня и твоей старшей шицзэ. Вышло так, что по воле случая я смыл с тебя пятно позора, которое ты носил долгие годы. Это можно считать искуплением вины, и на душе у меня стало чуточку спокойнее.

Вэй Усянь вздохнул, поднял глаза на Не Хуайсана и задал последний вопрос, затаившийся на самом дне души:

— Спрошу тебя напоследок. Все эти шестнадцать лет ты плел интриги и шаг за шагом вел свою игру неужели у тебя не возникало и тени желания занять место Заклинательного Владыки?

Не Хуайсан замахал руками, показывая полное отвращение:

— Брат Вэй, я же говорил тебе в прошлый раз: я совершенно не гожусь для этого. Если бы не месть за старшего брата, я бы ни за что не стал тратить столько сил на планирование всего этого. Я еще не успел вдоволь наглядеться на красоты рек и гор, а должность Заклинательного Владыки отнимает все силы и душу — ни за что не стану этим заниматься.

Закончив говорить, он посмотрел на Вэй Усяня и с опаской спросил:

— Ну что, брат Вэй, у тебя остались еще вопросы?

Вэй Усянь ответил:

— Больше нет.

Не Хуайсан крепче сжал веер и тревожно переспросил:

— Так мы ведь все еще хорошие друзья?

Вэй Усянь ответил вопросом на вопрос:

— А было ли у тебя хоть раз желание навредить мне?

Не Хуайсан тут же поднял руку к небу, принимая клятвенную позу:

— Перед лицом неба и земли клянусь — никогда в жизни.

Уголки губ Вэй Усяня дрогнули в едва заметной улыбке:

— Ну и как ты сам думаешь?

Не Хуайсан не сразу сообразил и по привычке ответил:

— Я, я не знаю!

Вэй Усянь похлопал Не Хуайсана по плечу:

— Поздно уже. Брат Не, ложись отдыхать, а я пойду к себе в комнату.

Когда Вэй Усянь ушел, Не Хуайсан принялся из угла в угол шагать по комнате, снова и снова прокручивая в памяти поступки и слова Вэй Усяня, и бормотал себе под нос:

— Похлопал по плечу, еще и улыбнулся мне, велел лечь пораньше... Выходит, мы всё-таки хорошие друзья, да? Мм, непременно хорошие друзья.

<http://bllate.org/book/19703/1937812>